

расширить и закрепить английское влияние на внешнюю политику Турции, «не следует возражать» против скорейшего подписания Ближневосточного пакта, даже если предварительно не будет урегулирован вопрос об ирано-иракской границе. При этом действия английской дипломатии были постоянно направлены на то, чтобы ослабить связи стран Ближнего и Среднего Востока с Советским Союзом, посеять недоверие к его миролюбивой внешней политике.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасов П. К. Саадабадский пакт//Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968.
2. Документы внешней политики СССР. М., 1973, 1974. Т. 18—19.
3. Great Britain and the East. 1936.
4. Longrigg S. H. Iraq, 1900 to 1950. L., 1953.
5. Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость (1917—1969). М., 1970.
6. Public Record Office. London. Foreign Office Papers. 371/19980.
7. Survey of International Affairs. 1936. L., 1937.
8. The Times. 1936.
9. The Killearn Diaries, 1934—1946. L., 1972.
10. Известия. 1936.
11. Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан, 1919—1981. М., 1982.
12. Живкова Л. Англо-турецкие отношения, 1933—1939 гг. М., 1975.
13. Мирский Г. И. Ирак в смутное время, 1930—1941. М., 1961.
14. Oriente Moderno. 1936.
15. Новейшая история арабских стран (1917—1966). М., 1968.
16. Дипломатический словарь. М., 1984. Т. 1.
17. The Sunday Times. 1936.

В. Н. ЗЕМЦОВ

Свердловская высшая партийная школа

Английские гарантии Польше, Румынии и Греции (март—13 апреля 1939 г.)

Около 50 лет буржуазная и марксистская историография ведут борьбу по вопросу о причинах и сущности английских гарантий малым странам в 1939 г. Сразу после предоставления Великобританией гарантий Польше, Румынии и Греции английская буржуазная историография поспешила оценить их как «дипломатическую революцию» во внешней политике правительства Чемберлена, как отказ от курса на умиротворение фашистских агрессоров и возврат к политике коллективной безопасности [1]. Для работ историков этой «первой чемберленовской волны» характерна открытая идеализация действий бри-

танского правительства весной 1939 г., оценка английских гарантий как поворотного пункта в предвоенной политике Лондона. К 60-м — началу 70-х годов заметное влияние в английской буржуазной историографии политики гарантий приобрело буржуазно-либеральное направление. Такие буржуазно-либеральные историки, как А. Дж. П. Тейлор [2], Я. Колвин [3], К. Миддлемас [4], частично развенчивают миф об английских гарантиях как об окончательном отходе правительства Чемберлена от политики умиротворения. Глубокому анализу подверг политику Великобритании весной 1939 г. английский левый лейборист Д. Притт, чья оценка гарантий близка к марксистской [5].

Со второй половины 70-х годов, в связи с усилением реакционных неоконсервативных тенденций в политике империализма, настойчиво заявила о себе в английской историографии так называемая группировка буржуазных историков-ревизионистов. Опираясь на рассекреченные в 1969 г. английские правительственные документы тридцатилетней давности, историки-ревизионисты, по сути дела, пытаются возродить старый взгляд на политику гарантий, который был характерен для английской буржуазной историографии 40—50-х годов. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в работах Д. Дилкса [6], С. Ньюмена [7], А. Адамтуэйта [8], Р. Блейка [9] и других авторов.

Историки Советского Союза и других социалистических стран (В. Я. Сиполс, М. И. Панкратова, В. Г. Трухановский, И. Н. Чемпалов, В. К. Волков, Л. Живкова, С. Цонков и другие) подвергли серьезному исследованию английскую политику гарантий весной 1939 г. Однако целый ряд вопросов, связанных с британскими гарантиями, не исследован или освещен недостаточно полно (влияние антисоветского фактора на решение Лондона о гарантиях Польше, Румынии и Греции; вопрос о внутривойсковых противоречиях между Англией и Францией в вопросе о гарантиях; воздействие ближневосточного фактора на английскую политику гарантий; связь британских гарантий Польше с балканской политикой Лондона и другие). Широкое использование в данной статье, наряду с известными советскими, английскими и германскими документами, неопубликованных английских документов [10; 11] и недавно опубликованных французских дипломатических документов [12] дает возможность частично затронуть эти малоисследованные проблемы.

15 марта германские войска оккупировали Чехословакию. Еще 11 марта от разведывательной службы и французского правительства Лондон получил точную информацию о германских намерениях в отношении Чехословакии [13. Р. 155]. Однако английское правительство продолжало свои попытки договориться с Германией и Италией на «разумной основе». За несколько дней до чехословацких событий делегация Федерации британской промышленности выехала в Дюссельдорф для пере-

говоров с представителями Имперской группы промышленников Германии.

Утром 15 марта было созвано заседание английского кабинета. Выступивший на нем премьер-министр Чемберлен подчеркнул, что Чехословакия, чьи границы английское правительство должно было гарантировать, развалилась. Следовательно, английское правительство не считает себя обязанным реагировать на последнюю агрессивную акцию Берлина. Военный министр Хор-Белиша поднял вопрос о дальнейших планах Гитлера. Он подчеркнул, что последний шаг Германии всецело направлен на осуществление плана «Дранг нах Остен». Министр иностранных дел Галифакс, поддерживая мнение военного министра, вместе с тем заявил, что было бы важно найти средство показать Германии, что она не должна использовать силу вместо консультаций и дискуссий [14; 7. Р. 98—100].

Днем 15 марта Чемберлен выступил в парламенте с речью, в которой выразил намерение и дальше следовать духу Мюнхена. Он подчеркнул, что так как чехословацкого государства больше не существует, вопрос о британских гарантиях Чехословакии отпадает сам собой. В заключение премьер-министр сказал, что ничто не сможет свернуть английское правительство с выбранного им пути (умиротворения) [15].

Для правящих кругов Англии и Франции после захвата Чехословакии были характерны настроения, которые хорошо отразил в письме французскому министру иностранных дел посол Франции в Берлине Кулондр. Он отмечал, что дальнейшее распространение германского влияния в восточном направлении не вызывает у Лондона и Парижа удивления, но вызывают протест формы и методы этих действий (без «обмена мнениями» с Англией и Францией). Одновременно Кулондр выражал опасения в связи с тем, что теперь германский рейх имеет более эффективные возможности политического и экономического давления на страны Юго-Восточной Европы, удобный плацдарм для их захвата. В заключение Кулондр писал, что сейчас в Берлине говорят о дальнейших агрессивных акциях Германии, на этот раз — против Румынии и Польши. Однако шаги и направления последующего гитлеровского продвижения неясны [16. N 168. С. 250—257]. Секретарь имперского комитета английской консервативной партии Де Курси писал, что в те дни в Лондоне не сомневались, что Берлин готовится к новым агрессивным акциям, но не было уверенности, куда они будут направлены; серьезные опасения вызывала нацистская пропаганда в отношении Балкан, Ближнего Востока, границ Индии... [17. Р. 45—47]. Де Курси отмечал, что Балканы — важный барьер между германским рейхом и Ближним Востоком, защищающий подступы к Индийскому океану и британские торговые пути [17. Р. 91]. В Лондоне не исключали и возможности движения германской агрессии через Балканы в сторону СССР.

16 марта Париж предложил Лондону направить совместный протест в связи с аннексией Германией Богемии и Моравии [12. N 1. P. 1—2]. Но Лондон отклонил это предложение [18. P. 34]. Английское правительство выжидало дальнейшего развития событий.

Покончив с Чехословакией, германские империалисты усилили нажим на Румынию. По словам военного атташе Франции в Праге, оккупация Чехословакии поставила Румынию в трудное положение [12. N 174. P. 238—240]. Глава германской экономической делегации в Румынии Вольтат требовал от румынского правительства скорейшего подписания долгосрочного экономического соглашения с Германией. Одновременно, по сведениям Бухареста, в районе германо-венгерской границы было сосредоточено до 25 немецких дивизий [11. N 222. P. 237]. Румынские военные органы сигнализировали своему правительству о возможности совместного германо-венгерского вторжения в Румынию [11. N 203. P. 227]. Перед румынским правительством встал вопрос: принять германские требования или отвергнуть их, заручившись помощью западных держав. Для румынского правительства одним из способов добиться такой помощи была «советская карта». 15 марта румынский посланник в Лондоне Тиля сообщил советскому полпреду в Англии И. М. Майскому, что речь И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б), в которой выражалась готовность СССР поддерживать жертвы агрессии, «вызывала в Румынии очень большой подъем, почти энтузиазм» [16. N 151. С. 236]. Ранее, 10 марта, Тиля информировал министра иностранных дел Англии Галифакса о том, что недавно Майский заявил ему о готовности Советского Союза оказать Румынии помощь в случае германо-венгерской агрессии. Сообщая об этой информации английскому посланнику в Бухаресте, Галифакс интерпретировал это «предложение» СССР как действия Советского Союза в направлении создания Черноморского пакта, который включал бы Румынию, Советский Союз, Турцию и Болгарию [11. N 266. P. 274—275]. В Лондоне, где резко негативно относились к любым шагам Советского Союза по созданию системы коллективной безопасности, восприняли это сообщение с беспокойством (что видно даже по тексту телеграммы Галифакса).

16 марта Тиля сообщил ответственному чиновнику Форин Оффиса Сардженту об усилении германского нажима на Румынию. Тиля просил сообщить ему, может ли Англия помочь Румынии в ее сопротивлении Германии [19. Vol. 4. N 298. P. 284—285]. В тот же день Галифакс отправил послу Англии в СССР Сидсу телеграмму с просьбой выяснить, действительно ли имело место «предложение» Советского Союза Румынии, информация о котором была передана Тилей 10 марта [19. Vol. 4. N 476. P. 448—450].

17 марта Тиля уведомил Галифакса, что румынское прави-

тельство получило от Германии ряд жестких требований. «Если эти условия будут приняты,—сказал Тиля,—то Германия гарантировала бы румынские границы». Это показалось румынскому правительству «весьма похожим на ультиматум». Далее Тиля высказался за создание блока в составе Польши, Румынии, Греции и Югославии при поддержке Великобритании и Франции, а также за то, чтобы польско-румынский союз, направленный против СССР, мог быть использован против Германии [19. Vol. 4. N 395. P. 366—367]. В тот же день Г. Джебб, личный секретарь постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании, задал Тиле вопрос: согласно ли румынское правительство принять русскую помощь? Тиля ответил, что такого вопроса даже не существует — конечно, согласно принять [18. P. 64; 7. P. 141, note 4].

17 марта о германских угрозах в адрес Румынии было уведомлено и французское правительство [12. N 33. P. 48—49]. Оно скептически отнеслось к истории с германским «ультиматумом» Румынии [20]. Однако Париж проявил определенную готовность к решительным действиям в создавшейся обстановке. 18 марта генеральный секретарь французского МИД А. Леже встретился с румынским послом в Париже Татареску. Леже выразил надежду на то, что Румыния согласится с тем, чтобы французское правительство обратилось к СССР с просьбой о советской помощи Румынии в случае войны [12. N 56. P. 75—77]. 19 марта на секретном заседании комиссии по иностранным делам сената председатель совета министров Франции Даладье заявил, что события последних дней создали новую военную и стратегическую ситуацию. Необходимо поддержать дружественные страны, так как следующий удар может быть нанесен по Франции [21].

К 17 марта английское правительство, помимо информации Тиля об «ультиматуме», располагало уже многочисленными сообщениями о том, что Германия готовится осуществить удар по Румынии [22. P. 263]. Одной из целей этого удара, как писал главный дипломатический советник английского правительства Ванситтарт в своей записке от 17 марта, является захват Германией нефтяных месторождений [7. P. 111]. Но более всего в Лондоне опасались, что после захвата Румынии Германия может двинуться не на СССР, а в сторону Ближнего и Среднего Востока. Так, на заседании подкомитета стратегического планирования, которое было срочно созвано утром 17 марта, было указано на возможность германского продвижения через Балканы к Средиземному морю, а также на необходимость скорейшего союза с Турцией и Грецией [18. P. 119]. Ситуация усугублялась тем, что в тот же день, 17 марта, Форин Оффис получил сообщение о готовности правительства Муссолини в ближайшее время оккупировать Албанию и предъявить в ультимативной форме свои требования к Франции [13. P. 162].

Во второй половине дня постоянный заместитель министра иностранных дел Англии Кадоган начал работу над проектом запроса ряду государств с целью выяснить их реакцию на сообщение о германском «ультиматуме» [13. Р. 160].

Вечером 17 марта премьер-министр Чемберлен выступил в Бирмингеме с речью, в которой обвинил Гитлера в нарушении мюнхенских соглашений. Он отметил, что Великобритания не может оставаться в стороне от того, что происходит в Юго-Восточной Европе, и что британское правительство намерено установить контакты с Францией и другими странами. «В бирмингемской речи прозвучала новая нота..., — пишет У. Черчилль. — Трудно представить себе большее противоречие духу и содержанию заявления премьер-министра, которое он сделал в палате общин двумя днями ранее» [23].

18 марта английские посланники в Афинах, Белграде и Бухаресте уведомили Галифакса о сомнениях в истинности германского ультиматума Румынии [19. Vol. 4. N 406. Р. 374; N 420. Р. 384—385; N 399. Р. 369—370]. В этот же день состоялось заседание английского кабинета. После вступительного слова Чемберлена Галифакс заявил, что, хотя министр иностранных дел Румынии Гафенку и отрицает наличие германского ультиматума, кабинет все равно должен обсудить вопрос о германских планах в отношении Румынии [3. Р. 188]. На заседании кабинета было отмечено, что установление германского господства над Румынией имело бы серьезные последствия: 1. Захват Румынии явился бы важным шагом к установлению германского контроля над всей Юго-Восточной Европой. 2. Используя румынскую нефть и сельскохозяйственное сырье, Германия могла бы в значительной степени нейтрализовать усилия британского флота в установлении морской блокады Германии в случае войны. 3. Ничто не могло бы предотвратить продвижение Германии к Средиземному морю [24]. На этом заседании кабинета Чемберлен заявил о невозможности продолжать переговоры с Гитлером на старой основе. Именно это, по словам Чемберлена, заставило его произнести речь в Бирмингеме. Но это не означает, заметил премьер-министр далее, что переговоры невозможны [3. Р. 188; 7. Р. 104].

18 марта английское правительство направило через французского посла в Лондоне Корбэна запрос Парижу о позиции Франции в связи с германским «ультиматумом». В этой же телеграмме Корбэн сообщил, что в Форин Оффисе обеспокоены возможным захватом Румынии, так как это создает угрозу английским позициям на Ближнем Востоке и в Азии. Из разговора с Галифаксом Корбэну стало известно, что Галифакс задал Тиле вопрос об отношении Румынии к СССР. На это Тиле ответил, что румынское правительство, вероятно, согласится на большие поставки русских военных материалов [12. N 46. Р. 64—65].

18 марта английский посол в Москве Сидс уведомил наркоминдела СССР М. М. Литвинова о германском «ультиматуме» и спросил, какова будет позиция Москвы по этому поводу. Литвинов ответил, что Советское правительство «тоже может чувствовать потребность, прежде чем ответить на запрос Сидса, знать позицию других государств, в частности Англии, а между тем запрос Галифакса не содержит никаких указаний на этот счет». Литвинов также выразил удивление, что помощью Советского Союза интересуется Англия, а не Румыния, «которая к нам не обращалась и, может быть, даже не желает ее» [16. N 161. С. 246]. После этого разговора Сидс немедленно послал телеграмму в Лондон, особо подчеркнув последние слова Литвинова [19. Vol. 4. N 476. P. 448—450]. 18 марта Советское правительство выдвинуло предложение о созыве совещания представителей Англии, Франции, Румынии, Турции и СССР [16. N 162. С. 246; N 163. С. 247].

Английские запросы по поводу германского «ультиматума» вызвали также недоумение в Польше, Югославии, Греции и Турции. В этих запросах не говорилось о позиции самого Лондона и не содержалось каких-либо конкретных предложений [25. С. 89—90]. Только правительство Франции ответило, да и то с опозданием, что готово принять решительные меры в создавшейся ситуации [12. N 89. P. 122—123].

20 марта в беседе с английским посланником в Бухаресте Хором король Румынии Кароль отверг наличие немецкого «ультиматума» [19. Vol. 4. N 438. P. 396]. 19 марта от английского посланника в Албании была получена телеграмма, в которой тот отметил, что причин для особого беспокойства по поводу немедленной итальянской акции в Албании также не существовало [11. N 211. P. 231].

Однако усиление английской внешнеполитической деятельности в середине марта объяснялось главным образом не опасениями в отношении ближайших намерений стран оси. По мысли германского посла в Лондоне Дирксена, истинный смысл британской деятельности вокруг «ультиматума» состоял в следующем: Чемберлен по-прежнему добивается мирного соглашения с Германией, но средства для достижения этого изменились — метод дружественных переговоров стал невозможен, поэтому Чемберлен решил занять по отношению к Германии более твердую позицию и с этой целью установил контакты с Францией, США, СССР и с Балканскими странами [26. N 35. P. 39]. Именно по причине стремления Лондона к соглашению с Германией советские предложения о созыве совещания представителей Англии, Франции, Румынии, Польши, Турции и СССР были отвергнуты правительством Чемберлена. Вместо этого Лондон предложил подписать совместно с Англией, Францией и Польшей ничего не значащую декларацию, имевшую целью, по словам Чемберлена, избежать особых обязательств [3. P. 190].

Саботаж Лондоном советских предложений фактически создал благоприятные условия для подписания 23 марта кабального германо-румынского экономического соглашения. Основное значение этого соглашения заключалось в том, что оно предполагало участие германского капитала в смешанных румыно-германских промышленных и торговых обществах. В связи с этим в ноте Дирекции коммерческих отношений Франции от 24 марта указывалось, что учреждение германо-румынских обществ по эксплуатации нефтеносных районов обеспечивает Германии большие преимущества. Однако, как указывалось в той же ноте, реализация статей этого соглашения встретит большие трудности прежде всего потому, что западные страны контролируют значительную часть добычи нефти и другого сырья [12. N 151. P. 208].

Сразу после подписания германо-румынского экономического соглашения министр иностранных дел Румынии Гафенку обратился к английскому правительству с просьбой о скорейшей отправке в Румынию британской экономической миссии, что позволило бы сдерживать нажим со стороны Германии [11. N 241. P. 245]. В день подписания германо-румынского соглашения, стремясь пустить в ход «советскую карту», Тиля в беседе с Кадоганом заявил, что в случае возникновения войны Румыния будет готова получать советскую помощь в любой форме [19. Vol. 4. N 541. P. 520].

20 марта в Лондоне было объявлено о предстоящей поездке английской экономической миссии в Бухарест. Но английское правительство не спешило с ее отправкой [27]. 27 марта Чемберлен, выступая в палате общин, заявил, что практическое значение германо-румынского экономического соглашения будет зависеть от того, каким образом это соглашение будет претворяться в жизнь. Премьер-министр указал на необходимость выждать дальнейшее развитие событий. Все зависело от того, в каком направлении развернется германская агрессия [25. C. 97—98].

В отличие от выжидательной позиции британского правительства Париж проявил большую заинтересованность в противодействии последствиям германо-румынского экономического соглашения от 23 марта. Сразу после заключения этого соглашения Париж поспешил отправить в Бухарест экономическую миссию [28]. 28 марта Боннэ направил Корбэну телеграмму, в которой указывал, что французское правительство интенсивно изучает возможности увеличения поставок румынской нефти во Францию. Корбэн должен был предложить английскому правительству совместные меры по увеличению импорта румынской нефти в западные страны [12. N 177. P. 243—244]. Но Лондон не проявил желания поддержать предложенные Францией меры. Парижу пришлось действовать в одиночку. 31 марта было подписано новое франко-румынское торговое соглашение, по кото-

рому Румыния должна была поставлять во Францию 490.000 т нефти в год, т. е. вдвое больше, чем ранее [12. N 221., P. 335—338].

В марте 1939 г. усилилось германское давление на Польшу. Но британское правительство не спешило брать на себя каких-либо обязательств в отношении этой страны. Однако вместе с тем в Лондоне стремились привлечь Польшу на сторону англо-французского блока на тот случай, если бы Германия предприняла наступление на запад или юго-восток. Следует принять во внимание и опасения английского правительства по поводу того, что в случае бездействия западных держав Польша могла бы обратиться за помощью к Советскому Союзу минуя Англию. 11 марта, обращаясь к комитету по иностранным делам польского сейма, министр иностранных дел Польши Бек подчеркнул, что отношения между Москвой и Варшавой в последнее время быстро нормализуются [29]. Во время встреч 18 и 20 марта с американским послом в Париже Буллитом польский и румынский послы во Франции заявили, что «хотя в мирное время мы не намерены заключать какое-либо соглашение, которое позволило бы русским войскам вступить на нашу территорию...», но в случае войны «мы будем готовы принять помощь от самого дьявола» [25. С. 92]. Вместе с этим чуть позже, 24 марта, в разговоре с Буллитом польский посол во Франции Лукасевич сетовал по поводу того, что Англия не торопится брать на себя четкие и определенные обязательства в отношении Польши [30. P. 180—181].

27 марта состоялось заседание комитета внешней политики британского кабинета, на котором было принято решение вместо подписания ранее предложенной четырехсторонней декларации сосредоточить внимание на Румынии. Было отмечено, что в этом случае большое значение приобретает сотрудничество Англии и Румынии с Польшей. В качестве первого шага было признано необходимым выяснить позицию Польши и Румынии: а) готовы ли они защищаться в случае прямого или косвенного нападения с запада; б) если будут готовы защищаться, то сообщить, что Великобритания и Франция их поддержат; в) согласна ли Польша помочь Румынии в случае германского нападения. Было предложено оставить вне поля зрения СССР, объяснив это тем, что возражения исходят из Бухареста и Варшавы [10. 27/624. P. 201—203].

21—22 марта в Лондоне состоялись англо-французские переговоры. Стороны согласились с тем, что основное внимание следует сосредоточить на Румынии, и с этой целью попытаться использовать Польшу в случае германского нападения на Румынию [19. Vol. 4. N 458. P. 425—427]. Французская сторона выразила мнение, что нельзя дать Польше и Румынии предлог уклониться от помощи России. В ответ на это Галифакс заметил, что прежде всего необходимо достичь польско-румынского

взаимопонимания. Только после этого следует поставить перед поляками и румынами вопрос о России [19. Vol. 4. N 484. P. 456—460]. Премьер-министр Чемберлен отметил, что Польша непременно окажет Румынии помощь, если СССР будет исключен из переговоров [18. P. 88].

25 марта Галифакс совместно с высокопоставленными чиновниками Форин Оффиса обсудил конкретные планы в отношении Польши и Румынии. Смысл этих планов сводился к тому, чтобы исключить Россию из «антиагрессивного фронта». Галифакс предложил направить в Варшаву телеграмму о том, что Англия и Франция готовы поддержать Польшу в том случае, если Польша: а) поддержит Румынию; б) поддержит Великобританию и Францию, если они будут вынуждены вступить в войну с целью воспрепятствовать германской агрессии на Западе или в Югославии [7. P. 146—148, 150; 22. P. 268].

Несмотря на интенсивное обсуждение вопроса об английских гарантиях Польше, Лондон медлил с его окончательным решением. Именно в это время в английскую столицу поступили тревожные сообщения из Турции и Греции. Английский посол в Анкаре Нэтчбулл-Хьюджессен сообщал 25 марта: «...чувствуется, что Балканы сейчас открыты для дальнейшего проникновения в любых направлениях», между тем турецкое правительство, видя бездействие Великобритании, начинает проявлять колебания перед лицом массированного давления на Балканы стран оси. Нэтчбулл-Хьюджессен считал, что наступил критический момент в англо-турецких отношениях [7. P. 177—178]. Не менее тревожная телеграмма пришла в Лондон из Афин [7. P. 178].

Стало проявлять заметное беспокойство французское правительство. 27 марта французский МИД обратился с просьбой к правительству США оказать нажим на Лондон с целью скорейшего принятия конкретных мер в отношении Польши [31. P. 146]. К этому стоит добавить давление оппозиции на правительство Чемберлена, а также все более неопределенную позицию польского правительства, которое именно в это время, 25—27 марта, предприняло ряд шагов в направлении улучшения польско-советских отношений [25. С. 95—96].

30 марта на заседании английского внешнеполитического комитета было принято решение о предоставлении Польше британских гарантий. 31 марта о гарантиях Польше было официально объявлено.

В день предоставления английских гарантий Польше румынский поверенный в делах в Лондоне Флореску обратился в Форин Оффис с предложением распространить англо-французские гарантии на Румынию [32]. Но правительство Чемберлена с предоставлением гарантий не спешило. Лондон хотел распространить польско-румынский союз о взаимопомощи 1921 г. на случай гитлеровского нападения на Румынию, но

при условии, если бы державы оси предприняли наступление через Балканы к Средиземному морю или на Ближний Восток.

4 апреля, одновременно с германо-итальянскими переговорами в Инсбруке, в Лондоне начались англо-польские переговоры. В ходе этих переговоров выяснилось, что польское правительство отказывается распространить действие польско-румынского союза на тот случай, если Германия, одна или совместно с Венгрией, предпримет наступление на юго-восток [25. С. 104]. Румынское правительство тоже не спешило принимать на себя конкретные обязательства. Маневрируя между англо-французским блоком и Германией, румынское правительство надеялось, что империалистические соперники договорятся между собой за счет Польши и СССР.

7 апреля итальянские войска осуществили вторжение в Албанию. Захват Албании, появление немецких судов у Гибралтара, отправка итальянских войск в Ливию, слухи о предстоящем захвате острова Корфу — все это привело к резкому изменению военно-стратегической обстановки на Балканах, создало непосредственную угрозу фашистской экспансии в сторону Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Крайнее беспокойство в создавшихся условиях проявило французское правительство. Оно располагало данными о дальнейших планах Италии, которые предусматривали возможность нападения на Тунис, Корфу, Египет и Гибралтар [19. Vol. 5. N 96. P. 143]. Французский посол в Англии Корбэн попросил встречи с Галифаксом и выразил ему беспокойство по поводу создавшейся ситуации [19. Vol. 5. N 92. P. 136—138]. 8 апреля после заседания комитета национальной обороны Франции премьер-министр Даладье и министр иностранных дел Боннэ заявили английскому послу в Париже Фиппсу, что Франция готова вступить в войну с Италией, если Великобритания начнет против нее военные действия [19. Vol. 5. N 103. P. 148].

10 апреля состоялось заседание английского комитета внешней политики, на котором особое внимание было уделено вопросу о позиции Англии в случае германского продвижения через Балканы на Ближний Восток. Комитет обсудил записку Кадогана о трех вариантах возможных действий Англии в данной ситуации: а) односторонние английские гарантии Румынии, Греции и Турции; б) пакты с Грецией и Турцией подобно пакту с Польшей; в) соглашение с Италией о сохранении статуса-кво в Восточном Средиземноморье. Английское правительство надеялось с помощью такого соглашения предотвратить продвижение Германии на юго-восток. В случае совместного наступления держав оси через Балканы на Ближний Восток было решено предоставить односторонние гарантии Румынии, Греции и Турции.

Министр координации обороны Четфилд подчеркнул необходимость предоставить гарантии Румынии, так как, по его

мнению, это позволило бы предотвратить германское наступление на Грецию и Турцию. В ответ на это премьер-министр указал, что в таком случае могут возникнуть трудности из-за польской позиции. После всестороннего обсуждения комитет признал необходимым обеспечить поддержку Румынии со стороны Турции, так как трудно рассчитывать на помощь Польши [10. 27/625. Р. 239, 241—242].

Галифакс проинформировал участников заседания о состоявшихся утром 10 апреля переговорах с генеральным секретарем румынского МИД Крецяну, во время которых были обсуждены два вопроса: а) согласна ли Великобритания предоставить Румынии гарантии и б) зависит ли это от предоставления польских гарантий Румынии. Галифакс подчеркнул, что румынское правительство против заключения многостороннего соглашения, оно предпочитает получить от Англии односторонние гарантии, после чего попытается заключить подобное, но отдельное соглашение с Польшей. В итоге комитет решил вначале выяснить, придет ли Турция вместе с Англией на помощь Румынии и какого характера помощь Турция будет готова предоставить [10. 27/625. Р. 242—243, 250].

11 апреля Галифакс сообщил комитету внешней политики, что Турция заняла осторожную позицию. Однако сотрудничество с Турцией имеет для Англии первостепенное значение. Закрыв Дарданеллы, Турция может отрезать Италию от Черного моря. Комитет признал необходимым выяснить, нельзя ли создать на Балканах новую комбинацию, в которой могла бы принять участие Болгария. В целях привлечения Болгарии к Балканской Антанте Турция и Румыния должны были пообещать ей ряд уступок, что уменьшило бы опасность установления германского и итальянского господства над Югославией [10. 27/625. Р. 262, 267].

Премьер-министр Чемберлен предложил: а) предоставить Греции британские гарантии; б) заключить между Турцией и Англией двусторонний пакт. Нападение на Турцию, сказал он, может быть осуществлено через Румынию. Поэтому Турция должна быть заинтересована в создании Балканского блока с тем, чтобы защитить себя от угрозы. В случае положительного отношения Турции к предоставлению английских гарантий Греции Галифакс должен был послать в Турцию телеграмму, в которой был бы поставлен вопрос о возможности предоставить гарантии Румынии не только со стороны Англии, но и со стороны Турции [10. 27/625. Р. 270, 272].

В тот же день Галифакс сообщил советскому полпреду в Лондоне И. М. Майскому, что 13 апреля британское правительство намерено предоставить гарантии Греции, «но в отношении Румынии британское правительство пока ничего не решило...» Галифакс спросил, в какой форме СССР мог бы оказать помощь Румынии в случае нападения на нее Германии [16.

№ 226. С. 324]. Наркоминдел М. М. Литвинов дал указание Майскому сообщить английскому правительству, «что и мы не относимся безучастно к судьбе Румынии и хотели бы знать, как Англия мыслит себе формы помощи ей как со стороны Англии, так и других заинтересованных держав, и что мы готовы принять участие в такой помощи» [16. № 230. С. 331]. Однако в Лондоне не были заинтересованы в привлечении СССР к защите Румынии от фашистской агрессии. Правительство Чемберлена проигнорировало советское заявление.

12 апреля французское правительство решило предложить Великобритании декларацию в отношении Румынии, которая была бы аналогична английской декларации в отношении Польши [12. № 354. Р. 567—569]. Но Лондон отверг это предложение, заявив, что необходимо подождать, пока Варшава согласится на изменение острия польско-румынского союза и Турция даст согласие на предоставление своих гарантий Греции и Румынии [12. № 357. Р. 571—572; № 358. Р. 572—573]. Такой ответ не мог удовлетворить французское правительство. В Париже полагали, что последние итальянские акции в Восточном Средиземноморье скоординированы с Германией и Японией. Поэтому французское правительство опасалось, что Лондон может перебросить часть своего флота из Средиземного моря на Дальний Восток [33; 31. Р. 148—149]. В действительности еще 10 апреля британский кабинет решил сконцентрировать английский флот у Мальты, но французам об этом не было сообщено [34]. Польский посол в Париже Лукасевич указывал еще на одну причину стремления французского правительства предоставить свои гарантии Румынии: Париж торопился подчеркнуть французскую роль и влияние в Центральной Европе и на Балканах перед лицом все более усиливающейся английской активности в этом регионе [30. Р. 191]. 13 апреля через французского посла в Лондоне Корбэна британскому правительству было сообщено следующее: 1. Румынии угрожает непосредственная опасность, вопрос же о Польше — второстепенный. Захват Румынии даст в руки Германии значительные нефтяные ресурсы. 2. Французское правительство решило немедленно предоставить Румынии свои гарантии. 3. Необходимы единые действия Англии и Франции. В обмен на это французское правительство решило гарантировать не только Румынию, но и Грецию [12. № 369. Р. 594—595; 11. № 135. Р. 159—160].

13 апреля на заседании английского кабинета было принято решение об одновременном предоставлении английских гарантий Румынии и Греции. В полдень 13 апреля английское и французское правительства объявили об этих гарантиях.

17 апреля Советское правительство предложило Англии и Франции заключить пакты о взаимопомощи и военную конвенцию, а также предоставить гарантии всем малым странам, расположенным между Балтийским и Черным морем [16. № 239.

С. 336—337]. Но Лондон и Париж отвергли советские предложения. Правительства западных держав не стремились к созданию действенной системы коллективной безопасности с участием СССР. Они предпочитали сепаратные гарантии малым странам, ставя Советский Союз перед свершившимся фактом.

Многие английские политические деятели, занимавшие видные посты накануне второй мировой войны, и английские буржуазные историки (в том числе и ревизионистского направления) признают, что несмотря на предоставленные Польше, Румынии и Греции гарантии, Лондон не собирался подкреплять их военными мерами [35]. Под непосредственным впечатлением событий английская пресса даже писала, что гарантии — абсурд, так как не предусматривают помощи со стороны России [36]. В действительности гарантии не были абсурдом. С их помощью правительства Англии и Франции надеялись принудить фашистских агрессоров к новой, более широкой сделке, преградив им путь через Балканы на Ближний Восток, и указать им дорогу на СССР.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Medlicott W. N. The Origins of the Second Great War. L., 1940; Mackintosh J. The Paths that Led to War. L., 1940; Feiling K. The Life of Neville Chamberlain. L., 1946; Wheeler — Bennet J. Munich. Prologue to Tragedy. L., 1948; etc.*
2. *Taylor A. J. P. English History, 1914—1945. Oxford, 1965.*
3. *Colvin I. The Chamberlain Cabinet. L., 1971.*
4. *Middlemas K. Diplomacy of Illusion, 1937—1939. L., 1972.*
5. *Pritt D. N. The State Department and the Cold War. N. Y., 1948.*
6. *Dilks D. Appeasement and "Intelligence" // Retreat from Power. L., 1981. Vol. 1. P. 146—163.*
7. *Newman S. March 1939: the British Guarantee to Poland. Oxford, 1976.*
8. *Adamthwaite A. The Making of the Second World War. L., 1977.*
9. *Blake R. The Decline of Power, 1915—1964. L., 1985.*
10. *Public Record Office. Minutes of the Foreign Policy Committee of the Cabinet. 27/624, 625.*
11. *Public Record Office. Foreign Office. 434/6.*
12. *Documents diplomatiques français. Ser. 2. T. 15.*
13. *The Diaries of sir A. Cadogan, 1938—1945. L., 1971.*
14. *Европа в международных отношениях, 1917—1939. М., 1979. С. 377—378.*
15. *Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 345. Col. 435—440.*
16. *СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939): Документы и материалы. М., 1971.*
17. *De Courcy K. Review of World Affairs. L., 1941. Vol. 1.*
18. *Aster S. 1939, The Making of the Second World War. N. Y., 1973.*
19. *Documents on British Foreign Policy. Ser. 3.*
20. *Langer W. L., Gleason S. E. The Challenge to Isolation. L., 1952. P. 70.*
21. *Shirer W. The Collapse of the Third Republic. L., 1970. P. 395.*
22. *The Diplomatic Diaries of O. Harvey. L., 1970.*
23. *Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955. Т. 1. С. 315.*
24. *Taylor T. Munich. The Price of Peace. N. Y., 1979, P. 960—961.*

25. *Чемпалов И. Н.* Предоставление англо-французских гарантий Польше, Румынии, Греции и Турции (март — июнь 1939)//Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1975.
26. Documents on German Foreign Policy. Ser. D.
27. Great Britain and the East. 1939. Mar. 30 P. 354.
28. *Savin T.* Capitalul strain in România. Bucuresti, 1947. P. 146.
29. *Budurowycz B.* Polish-Soviet Relations, 1936—1939. N. Y.; L., 1963. P. 145.
30. *Lukasiewicz J.* Diplomat in Paris, 1936—1939. N. Y.; L., 1970.
31. *MacDonald C.* The United States, Britain and Appeasement, 1936—1939. L., 1981.
32. *Лебедев Н. И.* «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1963. С. 236.
33. *Pratt L.* East of Malta, West of Suez. Britain's Mediterranean Crisis, 1936—1939. Cambridge, 1975. P. 178.
34. *Adamthwaite A.* France and the Coming of the Second World War, 1936—1939. L., 1977. P. 310, 329.
35. *Dilks D.* "The Unnecessary War"? Military Advice and Foreign Policy in Great Britain // General Staffs and Diplomacy before the Second World War. L., 1978. P. 126; *Strang W.* The Moscow Negotiations, 1939 // Retreat from Power: Studies in Britain Foreign Policy of the Twentieth Century. L., 1981. P. 174; etc.
36. The New Statesman and Nation, 1939. Apr. 22 P. 596.

В. Н. ГРАК
Уральский университет

Противоречия между Англией и «Свободной Францией» в странах Леванта (июль — сентябрь 1941)

Летом 1941 г. военно-политическая обстановка на Ближнем Востоке изменилась в пользу Великобритании. Попытка гитлеровской Германии использовать для проникновения в этот район и нанесения удара по английским позициям освободительное движение в Ираке и сотрудничество с вишистскими властями Сирии и Ливана (страны Леванта) потерпела неудачу. В мае 1941 г. англичане, разгромив патриотическое выступление иракской армии, вторично оккупировали Ирак. В июне — июле этот успех был подкреплён кампанией по овладению французскими подмандатными территориями (операция «Экспортёр»), в ходе которой английские войска в сотрудничестве с частями «свободных французов» нанесли поражение вишистам.

Установление контроля над Сирией и Ливаном имело исключительно важное значение для сохранения английских позиций на Арабском Востоке. Прежде всего был укреплен восточный фланг ближневосточного театра военных действий. Англичане, опираясь на побережье стран Леванта, могли более эф-